

ры, отделенные от описываемых событий солидным временным промежутком, выполняют одну и ту же мемуарную функцию.

В статье использованы мемуары И. А. Бунина «Записи» и мемуарный очерк Андрея Седых (псевдоним Я. М. Цвибака, приглашенного Буниным в шведскую поездку в качестве секретаря) «И. Бунин», опубликованный им в составе книги мемуаров «Далекие, близкие» (1962); два дневника — В. Н. Буниной и «Грасский дневник» Г. Н. Кузнецовой; наконец, письма В. Н. Буниной и Г. Н. Кузнецовой к Л. Ф. Зурову, а также несколько писем последнего, адресованные В. Н. Буниной,¹ и его радиointервью.

Хотя основное внимание как в автобиографическом мемуарном очерке, так и у остальных повествователей сфокусировано на «объекте» — И. А. Бунине, в каждом отдельном случае неизбежно раскрывается и личность автора мемуаров/дневника/писем, особо маркированная уже сообразно природе жанра.

В то же время, если говорить об адресате как компоненте, органично присутствующем эпистолярно, то в данном случае высокая степень сходства между собой текстов дневников и писем у разных авторов порой доходит до текстуальных повторов. Это позволяет воспринимать письма, скорее, как вариант дневника, а адресат — как условность.

Особенность описываемых событий состоит в том, что их участники, или «авторы», все до единого — литераторы: В. Н. Бунин — публицист и мемуарист; Г. Н. Кузнецова — поэт, прозаик, переводчик; А. Седых (Я. М. Цвибак) — публицист, прозаик; Л. Ф. Зуров — прозаик. Это ключевое обстоятельство обусловило многие черты их текстов и, прежде всего, заранее заданный литературный характер дневников В. Н. Буниной и Г. Н. Кузнецовой. Обе они пишут, ориентируясь на публикацию в будущем, причем обе знают это друг о друге.

По иронии судьбы в поездке авторы дневников почти всегда делили номер в отелях, что не могло не мешать их работе. По свидетельству Г. Н. Кузнецовой, в Стокгольме они жили в одной комнате и были «довольно бесприютны, т. к. во всех комнатах целый день толчется народ, и начатое позавчера письмо В. Н. могла кончить только сегодня».² В письме к Зурову от 4 декабря 1933 года В. Н. Бунин сообщает: «Гале грустно. У нас на сегодня разные комнаты, чему мы обе рады. Пользуемся: пишем и записываем».³ Редкая возможность автономного существования в гостинице отмечена и Г. Н. Кузнецовой уже после отъезда из Швеции, в Германии: «Отдельную комнату получила только здесь и с наслаждением заперлась в ней. Ни писать, ни читать, ни думать все это время не могла. Ни одного угла свободного не было. В. Н. может на людях писать письма, ей даже еще лучше, а мне трудно».⁴

Очень характерны в приведенном выше примере поставленные В. Н. Буниной бок о бок глаголы «пишем и записываем». С одной стороны, здесь, безусловно, подразумеваются разные действия — *пишем* письма и *записываем* в дневник. С другой — эти действия совершаются синхронно и оборачиваются как повторами внутри корпуса текстов одного «автора», так и сходством свидетельств обоих авторов.

В качестве примера можно привести хотя бы запись от 10 декабря в «Грасском дневнике» Г. Н. Кузнецовой: «В газетах портреты всех нас на чае в русской коло-

¹ Дневники В. Н. Буниной и ее письма к Л. Ф. Зурову хранятся в Leeds Russian Archive (MS.1067/408-409 и MS.1067/7925-8499); там же находятся письма Л. Ф. Зурова к В. Н. Буниной (MS.1068/2062-2412). Письма Г. Н. Кузнецовой к Л. Ф. Зурову хранятся в фонде последнего в архиве Библиотеки-фонда «Русское зарубежье» в Москве (Ф. 3. Оп. 1. Карт. 1. Ед. хр. 50). Пользуюсь случаем поблагодарить Leeds Russian Archive, Ричарда Дэвиса, а также архив Библиотеки-фонда «Русское зарубежье» (далее: БФРЗ) за разрешение работать с этими документами.

² Переписка с Г. Н. Кузнецовой (БФРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Карт. 1. Ед. хр. 50. Л. 29).

³ Письмо В. Н. Буниной к Л. Ф. Зурову от 4 декабря 1933 года (Leeds Russian Archive. MS.1067/7935).

⁴ Переписка с Г. Н. Кузнецовой. Л. 23.